

*Свищет жуткий ветер, темень страшная вокруг,
Ужас кровожадный чуть скрывает мрак.
Зло крадется, зло все ближе, время помощи просить.
Нас спаси же, приходи, ведьмак!*

*Эхом разнесется крик невинной жертвы.
Только темень ночи да холод ей вослед.
Кровь падет на камни, белизну берез окрасит, —
А ведьмака как не было, так нет.*

Анонимная баллада,
примерно 1150 год р. Р.*

*Грехов юности моей и преступлений
моих не вспоминай*

Псалтирь 24:7**

* *post Resurrectionem* — после Воскрешения (лат.)

** Нумерация стихов Псалтири в православии отличается; у автора нумерация католическая, 25:7. — Здесь и далее примеч. пер.

Каэдвен есть страна меж Драконьими горами на севере, Синими горами на востоке и непроходимыми чащами на западе зажатая. Правят там наследственные короли из рода Топпов. Сперва столицу в древнем Бан Арде держали, однако город тот в 1130 году post Resurrectionem король Дагреад подарил чародеям под школу, столицу же перенес в Ард Каррайг, в центре страны лежащий.

К иным важнейшим городам Каэдвена относятся Бан Феарг, Даэвон, Бан Филлим и Бан Глеанн.

*Гербом Топпов и всей страны со времен незапамятных служит единорог — *d'or, licorne effrayée de sable***.

* Благон, краткое описание герба — «в золотом поле единорог вздыбившийся чёрный» (фр.)

Вокруг королевских земель Каэдвена лежат входящие в состав королевства пограничные земли, называемые марками или же мархиями. Отданы они под управление маркграфам, иные наследственным, иные королем назначаемым. Название такое оттуда происходит, что земли эти представляют как бы авангард, и, продвигаясь вперед все дальше, должны завоевания вести и новые земли для Каэдвена у эльфов отбивать, границы раздвигать и все дальше свои знаки — то бишь как раз марки — ставить. Мархии же сии суть таковы: Западная, Верхняя, Озерная и Нижняя.

*Болдуин Адовардо,
Regni Caedvenie Nova Descriptio**

* Королевства Каэдвенского новое описание (лат.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Геральт, несмотря на самое искреннее желание — причем по довольно важной причине, — никак не мог сосредоточиться на болтовне войта. Все его внимание занимало большое чучело вороны на войтовом столе. Ворона, зыряка на ведьмака стеклянным глазом, стояла на подставке из окрашенной в зеленый цвет глины, причем обе ножки вороны были в этой глине утоплены. Следовательно, ворона, несмотря на абсолютно живой вид, никоим образом живой быть не могла, сомнению это не подлежало. Почему же тогда, не на шутку удивлялся Геральт, ворона уже несколько раз моргнула ему своим стеклянным глазом? Неужто магия? Да вряд ли, ведь его ведьмачий медальон не дрогнул и не завибрировал, ни разу и ни в малейшей степени. Тогда галлюцинация, что ли? Видимость? Вызванная, возможно, тем, что он пару раз получил по голове?

— Повторю вопрос, — произнес войт Булава. — Повторю, хотя повторять не привык.

Войт Булава уже несколько раз заверил Геральта, что повторять не привык. Несмотря на это, повторял постоянно. Видимо, любил это дело, хоть и не привык.

— Повторю свой вопрос: из-за чего все на самом-то деле вышло? Что у тебя против этого дезертира было, за

что ты его так ужасно изрубил? Какие-то давние обиды? Никак, понимаешь, не могу поверить, что все случилось из-за того селянина да девичьей чести его дочурки. Что ты будто бы на выручку поспешил. Словно какой-то сраный странствующий рыцарь.

Ворона моргнула. Геральт пошевелил связанными сзади руками, стараясь хоть чуть разогнать кровь. Ремни поводьев болезненно врезались в его запястья. За спиной он слышал тяжелое дыхание деревенского пристава. Пристав стоял прямо позади и — Геральт был уверен — ждал лишь повода снова заехать ему кулаком в ухо.

Войт Булава засопел, развалился в кресле, выпятил брюхо и бархатный камзол. Геральт всматривался в грудь камзола и различал по ней, что войт ел сегодня, вчера и позавчера. И что как минимум одно из этих блюд было в томатном соусе.

— Я-то думал, — сказал войт, наконец, — что никогда не придется видеть ни одного из вас, ведьмаков. Много уж лет, как ни одного не видали. Будто бы после 194-го года мало кто в живых остался — там, в горах. Да и потом слух шел, что и оставшиеся повымерли, не то с голоду, не то от заразы. И вот те на, появляется один такой, и как раз в моей деревне. И первое, что совершает, так это убийство. А пойманный на месте преступления еще имеет наглость ссылаться на какие-то долбанные указы.

— В силу именного указа от тысяча сто пятидесятого года, — прохрипел Геральт, откашлявшись, — изданного Дагреадом, королем Каэдвена и пограничных мархий, ргіто: ведьмакам разрешается свободно заниматься своей профессией на территориях королевства и мархий, а также выводятся оные из-под юрисдикции местных властей...

— Первое «примо», — резко оборвал его Булава, — скоро полвека уж, как Дагреад в прах обратился, а вместе с ним его именные самодержавные указы. Второе «примо», никакой король ничего у меня ни из-под чего не выведет, поскольку король в Ард Каррайге далеко отсель, а здесь правит местная власть. То есть я. А третье «примо» в том, что ты, браток, не за исполнение своей профессии арестован, а за убийство. Волколаков ловить да леших убивать это твое ведьмачье дело. Но вот людей резать тебе ни один король привилегии не давал.

— Я действовал, защищая...

— Даррил!

Пристав послушно приложил Геральту кулаком, на сей раз по шее.

— Повторяешь одно и то же, — войт взглянул в потолок, — и это нервирует. А ты знаешь, до чего могут довести нервы? Даже такого спокойного человека, как я?

Ворона моргнула стеклянным глазом. Геральт молчал.

— Ты, — сказал наконец Булава, — не ведьмак. Ты дефект. Починка тебе нужна. Надо вернуть тебя в это ваше горное поселение, о котором люди болтают. Не знаю, как там у вас с этим поставлено. Может, такую недоделку навреде тебя разбирают на составляющие, а потом используют их для выпуска новых ведьмаков, получше. Ведь так у вас там делают? Из разных частей человеческих же ведьмаков собирают, сшивают или склеивают, или еще как. По-разному люди говорят. Так что, не болтая по-пустому... Я тебя, неполучившийся ведьмак, отправлю обратно в горы, за Гвенлех. Через неделю.

Геральт молчал.

— Даже не спросишь, почему через неделю? — Войт оскалил желтые зубы. — Любишь ссылаться на указы да

законы. Так и я стою за закон. А закон такой, что носить оружие здесь в деревне чужестранцам запрещено. А ты сюда с оружием вошел.

Геральт хотел запротестовать, мол, не он вошел, а его втащили. Но не успел.

— Наказанием, — вынес приговор Булава, — будут двадцать ударов кнутом. Исполнит их присутствующий здесь Даррил, а рука у него тяжелая. Раньше недели на ноги не встанешь. Ну же, взять его. На майдан с ним, привязать к столбу...

— Тихо, тихо, — остановил приставов входящий в комнату мужчина в буром плаще, здорово перемазанном снизу. — Чего ты так, Булава, торопишься с этим столбом да кнутом? Ведьмака мне покалечить хочешь? Обойдешься, забудь об этом. Мне ведьмак на стройке нужен целый и здоровый.

— А чего ты мне тут, Блауфаль, — подбоченился войт, — в исполнение правосудия вмешиваешься? И так от тебя страдаю, когда народ деревенский на шарварк* насильно тянешь. Но в юрисдикцию мою не лезь, не твое дело моя юрисдикция. Преступление наказанным быть должно...

— Шиш тебе, а не преступление, — прервал его Блауфаль. — Нету тут никакого преступления, есть самооборона да спасение людей. Да морду не криви, у меня с собой свидетель есть. Ну-ка, давай вперед, хозяин. Давай, не пугайся. Говори, что да как.

Геральт узнал селянина. Того самого, которого вчера спас от ограбления и который вместо благодарности сбежал в лес. Отца девочки, которую запомнил раздетой до нижней рубашки.

* Дорожная повинность.

— Свидетельствую... — выдавил из себя крестьянин, указывая на Геральта пальцем. — Словом своим отвечаю, сей самый юноша на помощь от бандитов ко мне поспешил... Собственность мою сберег... Дочь мою от бесчестья спас... Невинной из лап разбойничьих вызволил...

— А дезертир тот, — подсказал Блауфаль, — бросился на него с топором, юноша же лишь защищался. Самооборона! Подтвердите же, хозяин, что так и было.

— Так и было... Точнехонько так! Милсдарь войт, невиновен сей юноша! — Селянин был бледен и говорил естественно громко. — Милсдарь войт! Освободите его, прошу вас. А здесь... Прошу принять... В знак, эээ... Может, расходы какие были али убытки... Рад буду возместить...

Услужливо кланяясь, крестьянин вручил войту кошелек. Булава быстро упрятал его в карман пышных штанов, да так ловко, что тот и не звякнул.

— Самооборона! — фыркнул он. — Человека на отбивные мечом напластал. Невинный юноша... Ух, я бы его...

Они вышли на майдан. Приставы вытолкнули Геральта, не развязывая ему рук.

— А ты, Блауфаль, — спросил войт, — чего суетишься как ошпаренный, даже вон свидетеля мне приволок? Так тебе прям нужен этот ведьмак?

— Ты чего, не знаешь, что ли? Мы дорогу кладем. Великую Дорогу, из Ард Каррайга через леса до самого Хенгфорса должна она быть. И не кое-какую, не шлях какой, а настоящий тракт, сухой и ровный, бревнами да фашинами мощный, чтоб повозки и упряжки могли идти. Важное это дело, Великая Дорога, тут широкая торговля пойдет, наших краев, значит, с Севером. Сам король буд-

то бы велел поторапливаться. А там чудищ столько в бору да на болотах, что то и дело работники гибнут, монстрами убитые иль похищенные...

— А давно это тебя работники волновать стали? Всегда ж ты говорил, что работяга неважен, одного не станет, другой найдется...

— Работников пёс бы драл, они все равно в большинстве с шарварка. Но бывает, что и бригадира моего монстр прикончит, а вот это мне всю работу дезорганизует, фронт работ останавливает. А, чего тут пустословить. Говорю же, ведьмак мне нужен, коли сроки завалю — тогда мало того, что премия к чертям накроется, так еще и проверку пришлют. А проверка...

— Всегда что-то отыщет, — с пониманием кивнул Булава. — Где материал налево продан, где сметы завышены, где...

— Давай ближе к делу, — поморщился Блауфаль. — Ведьмака отпусти прямо сейчас, немедленно, я его с собой на стройку забираю... Да чтоб тебя... Это что еще такое?

— С заставы ребята. — Войт всмотрелся из-под ладони. — Милсдаря Карлтона войско.

На майдан, вздымая пыль и распугивая кур, влетели галопом десятка полтора конников. Вооруженных. Одетых ярко, разноцветно и довольно разномастно. Лишь двое во главе их выглядели поэлегантней. Командир, усач в куртке лосиной кожи, с золоченой перевязью, в шляпе со страусиными перьями. И длинноволосый эльф с повязкой на лбу, в зеленом мундире разведчика.

— Господин капитан Рейш Карлтон, — поздоровался Булава, выйдя навстречу. — Мое почтение. Чем обязаны?

Господин капитан Рейш Карлтон склонился с седла, смачно сплюнул. Потом подал знак разведчику. Эльф

подъехал под столб с поперечиной, ловко перебросил через нее шнур, кончающийся петлей.

— Ого. — Булава упер руки в бока, оглянулся, стоят ли за ним приставы. — Господин капитан в мою деревню заглянул, видать, чтоб кого-то повесить. Ай, я ж даже вижу, кому это сегодня судьба в петле болтаться. Вижу-вижу, те двое связанных... Ха, так значит, господин капитан поймал дезертиров из своей казармы! Тех, что мне тут по лесам на крестьян да девок нападали?

— Этих двоих, — капитан Рейш Карлтон подкрутил ус, — вешать и не подумаю. Пойдут оба на шпицрутены, сквозь строй. Чтоб запомнили. И все на этом. Слишком мало у меня людей, чтобы их за что ни попадя вешать. И чтобы их какой-то бродяга безнаказанно убивал.

Капитан выпрямился в седле, повысил голос, обращаясь не только к войту, но и к сельским приставам, Блауфалю, его людям и уже собирающейся на площади небольшой толпе поселян.

— За что я должен солдат своих наказывать? За что? За самоволку? Что девку хотели оприходовать? Мы же тут, на заставе, как на краю света, как в ссылке, как в наказании. Ни пива нет, ни баб... Чего удивляться, что парни то и дело налево бегают, схватят какую-нибудь...

— Потому что какого рожна, — Рейш Карлтон еще повысил голос, — бабы шляются по лесам? А этот поселанин, здесь присутствующий, чего со своей девицей под руку попался, никак нельзя было ее дома оставить? Так чего удивляться, что хотели парни себе... Не одобряю этого! Не одобряю, но понимаю. Господин Аэльварр! Готово там?

— Готово, капитан.

— Ну тогда давай сюда этого ведьмака, Булава. Убил мне солдата — пойдет в петлю. Нужно дать пример устра-

шения. И не снимайте его, войт, пусть повисит, другим в науку.

Блауфаль шагнул вперед, казалось, хотел что-то сказать; передумал. Приставы схватили Геральта, но остались стоять в неуверенности. Как оказалось, правильно сделали.

Внезапно сделалось очень тихо. И словно бы повеяло чем-то холодным.

На майдан из-за амбаров очень медленно вступил вороной, смоляно-черный конь. Нес на себе всадника. Беловолосого, в черной кожаной куртке, усеянной серебряными шипами. Над правым плечом всадника торчали рукояти двух мечей.

Так же очень неторопливо и даже грациозно вороной конь миновал сельчан и войта. Чтобы остановиться перед кавалерией капитана Карлтона.

Минуту царило молчание. Потом вороной мотнул головой. Зазвенели кольца мундштука.

— Господин войт Булава, — произнес в тишине беловолосый всадник, — незамедлительно освободит молодого ведьмака. Вернет ему коня, оружие и собственность. Немедленно.

— Так... — войт закашлялся. — Так точно, господин Хольт. Сейчас же...

— Господин капитан Карлтон. — Всадник слегка поклонился. — Приветствую.

— Господин ведьмак Престон Хольт. — Рейш Карлтон дотронулся до полей шляпы. — Приветствую.

— Господин капитан, — всадник повысил голос, — милостиво изволит забрать отсюда этого эльфа, его веревку и остальных своих подчиненных. Вы здесь уже не нужны. Сегодняшняя казнь отменяется.

— В самом деле? — Капитан напрягся в седле, опер ладонь о гарду меча. — Так вы в себе уверены, господин ведьмак?

— Да, так и уверен. Прощаюсь с вами. Господин вóйт, парень освобожден? Его вещи возвращены?

— Ах ты ж сукин сын! — не выдержал один из конников Карлтона, выхватывая меч из ножен и срывая с места своего коня. — Я ж тебя...

Он не договорил. Всадник, названный Престоном Хольтом, поднял руку, сделал короткий жест. В воздухе завывло и засвистело, крестьяне схватились за уши. Солдат вскрикнул, вылетел из седла как из пращи, тяжело и неуклюже рухнул под копыта отряда. Кони его товарищей в испуге заржали, забили копытами, замотали головами, один встал на дыбы. Конь упавшего умчался вскачь куда-то между хат, лягаясь и мотая задом.

Сделалось очень тихо.

— Еще кто-нибудь? — Престон Хольт поднял ладонь в боевой перчатке. — Кто желает выступить? Героя избразить? Нету? Я так и думал. Прощаюсь с господами солдатами. Молодой ведьмак уже в седле?

— Уже, — отозвался Геральт.

— Тогда в путь. За мной.

Верхняя Мархия знак границы своей поставила над рекой Гвенллек. Известны амбиции маркграфов тамошних дальше в долины Драконьих гор продвижение вести, потому вотчину свою цисмонтанской* называть в обычай взяли, в знак того, что будто бы вскоре прирастет она и трансмонтанскою частью, когда эльфов дальше в глубь гор прогнать удастся. Однако же года бегут, а ничего подобного не происходит.

Болдуин Адовардо,
Regni Caedvenie Nova Descriptio

* Находящейся по эту сторону гор (лат.).

ГЛАВА ВТОРАЯ

Во всем обитаемом мире королевство Каэдвен было известно холодной и капризной погодой. С севера ограниченная барьером Драконьих гор, а с востока могучим массивом гор Синих, держава страдала от непредсказуемых, но частых прорывов воздушных масс, что приводило в результате к длинным и морозным зимам, холодным веснам и короткому дождливому лету. С осенью бывало по-разному — порой солнечно, тепло и приятно, а порой совсем наоборот.

Сейчас, в месяце марте, называемом эльфами Бирке, снег все еще лежал местами в оврагах и ярах, белыми заплатами покрывал впадины на пустошах. Кое-какие лужи и рвы оставались затянутыми желтеющим уже льдом. Солнышко вроде как и пригревало, но уж если задувал ветер с гор, то обжигал морозом не хуже, чем в январе.

Геральт выехал из Каэр Морхена за день перед равноденствием. Так было принято у ведьмаков. Практика показала, что чудовища, изголодавшиеся за зиму, становятся настолько агрессивны, что люди в деревнях и поселках склонны раскошелиться на то, чтоб нанять ведьмака, хотя сами к весне подъели припасы и жить им практически не на что. Но Геральту не посчастливилось получить заказ. Ибо вышло так, как вышло; всего пара дней поездки от гор, бах,

крестьянин и его дочка, мародеры, лысый громила с плохими зубами, тресь-хрясть, ну и на тебе. А потом суд войта Булавы из села Нойходд, а от этого суда — а потом еще от угрозы бессудной казни со стороны солдат из местной казармы — спас его сей странный беловолосый человек с двумя мечами за спиной, на вороном коне, вслед за которым Геральт сейчас и ехал.

— Предлагаю, — обернулся в седле сей странный человек, — какое-то время ехать вместе. Капитан Карлтон все еще может надеяться тебя повесить; видно было, что очень уж хочет. На то, чтоб меня не преследовать, у него ума хватит, но в одиночку ты можешь стать легкой целью. Так что если тебе не мешает моя компания...

— Да с чего бы, — поспешно заверил Геральт, подгоняя свою буланую кобылу. — Охотно... Я... Я, собственно...

— Я знаю, кто ты такой. Волосы побелели после мутаций? После Изменений? Пигмент пропал, как и у меня?

— Ну да... Но откуда...

— Откуда я знаю, кто ты? Оттуда, что слеживаю, что там происходит у вас в Цитадели. И дошли до меня слухи, что обучение там закончил один такой вундеркинд, что зовут его Геральтом, и что вот-вот он уже выезжает на большак.

— Но Весемир...

— Никогда обо мне не упоминал? Имя Престона Хольта никогда у него даже не вырвалось? Объясню: мы с Весемиром уже некоторое время движемся по разным орбитам, можно так сказать. Если понимаешь, что я имею в виду.

Геральт не больно-то знал, что такое орбита, но с умным видом покивал.

Какое-то время они ехали в молчании. Бок о бок.

— Что ж, вот ты и выехал из Каэр Морхена на большак, — заговорил наконец Престон Хольт. — Начало у тебя выдалось, может, и не самое лучшее, но с началами такое бывает. Я, между прочим, и не думаю тебя ругать, совсем наоборот: я осмотрел труп того мародера, и, нужно признать, твои удары были безупречными. Возможно ненужными, возможно необдуманными, возможно неизящными — но в сумме безупречными.

Они снова помолчали, наблюдая за стадом скота на горном лугу и пастушком, что бегал от коровы к корове, чтобы согреть замерзшие ножки в свеженьких и теплых коровьих лепешках. Лепешки грели, видимо, так себе, а вот бег вполне.

— Уже выгоняют коров пастись, — заметил Хольт, — хотя трава лишь показалась из-под земли. Верный знак, что сезон начался и работу ты найдешь без труда, Геральт. Скоро деревни будут охотно оплачивать охрану пастухов и скота. Поедем-ка вон туда, в березнячок, по берегу отвода.

— По берегу чего?

— Отвода. Этот ров, вот здесь, это отвод, дренажный канал, по которому когда-то отводили воду из шахты. Как ты наверняка знаешь, мы находимся в той части королевства Каэдвен, что зовется Верхней Мархией. А богатство Верхней Мархии — это полезные ископаемые: в основном соль, но также и серебро, никель, цинк, свинец, лазурит и так далее. Так, по крайней мере, было раньше; сейчас же большинство полезных ископаемых вроде как поистощилось. Нет ничего вечного.

Геральт воздержался от комментария.

— Видишь вон тот холм впереди? Он называется Подкурок, так и обозначен на официальных картах. А воз-

никло это название от того, что уж лет сто назад мужик по имени как раз Подкурок выкопал там случайно самородок серебра размером с большой кочан капусты. Моментально здесь возникла шахта, врезалась в склон горы. Тут добывали большое количество серебра и галенита, свинцовой руды. Но чем глубже зарывались горняки, тем острее становилась проблема с водой. Здесь таких отводков, вроде этого, много еще, потом сам увидишь. Ну и наконец стоимость водоотвода сделала всю добычу невыгодной. Горняки ушли в другое место. Оставили после себя лабиринт коридоров и выработок, частично затопленный. А теперь самое веселое: оставленную и затопленную шахту заняли и завладели ею бродячие затравцы. Надеюсь, ты знаешь, что такое затравцы?

— Затравцы, — по памяти процитировал Геральт, набрав в грудь воздуха, — суть некрупные создания, напоминающие собакоголовых обезьян, они же павианы. Стайные, живут под землей, в темноте. В стае представляют опасность...

— Еще как представляют, — оборвал цитирование Престон Хольт. — И довольно часто докучают рудокопам-любителям, которые роют склоны Подкурка в поисках серебра, что все еще можно здесь добыть. О, а вот и иллюстрация моих рассуждений: то, что там, впереди, белеется, это полотноща фургонов и палаток. Мы попадаем прямо в лагерь храбрых копателей. Первых этой весной.

Храбрые копатели первым делом выслали им навстречу делегацию, вооруженную лопатами и палками. Угроза на лицах встречающих несла простое послание: валите отседа, мы тута первые. Физиономии, однако, быстро подобрили — гости, как показало рассмотрение, не были неже-

ланными конкурентами. И вот уже не только что неприязненных лицах расцвела настоящая радость.

— Батюшки-светы, слава богам! — заорал старший из рудокопов, пряча за спину мотыгу, которой еще вот только что недвусмысленно размахивал. — Всем богам благодарение! Батюшки-светы, так это ж вельможный пан ведьмак! А да, весть дошла до нас, что вы в округе тут, мы уж за вами посылать намерились! А тут вы сами как с неба нам, как с неба!

— Такой уж у меня обычай. — Престон Хольт выпрямился в седле. — С неба падать нуждающимся в помощи. Ибо ведьмак я.

Тем временем к рудокопам присоединилось несколько причитающих женщин. Становилось все громче и все бестолковее. Престон Хольт словами и жестами начал требовать тишины и порядка. Потребовалось некоторое время, прежде чем удалось понять, в чем дело и какая на самом деле проблема у копателей и их баб.

— Ведьмак нужен, ведьмак! — орал, размахивая мотыгой, старшина. — Мальчонку у нас украли те твари подземные, что под горой живут! Напали, схватили, в пещеры утащили! Кто его теперь спасет, коль не вы?

— И двух недель не прошло, — сказал Хольт, — как я вас предупреждал держаться подальше от шахты и штолен. Что, разве не советовал я вам копать на другой стороне горы? Говорите, мальчонку украли затравцы? Сколько лет? Пять? Давно украли? Ха, позавчера еще? Не топились вы, гляжу, за мной посылать. Спешиваемся, Геральт.

Престон Хольт спустился с коня. Геральт не мог не заметить, что ему это далось нелегко. И что он сильно хромал на левую ногу. Жестом разогнал облепивших его рыдаю-

щих баб. Минуту поговорил со старшиной копателей, потом потянул Геральта за рукав.

— Ну что ж, юный ведьмак, — сказал он. — Придет помощь людям в беде, пострадавшим от чудовищ. Поскольку только что нас наняли.

— Если мальчишку затравцы украли еще позавчера, — буркнул Геральт, — то навряд ли он еще...

— Жив? Да, это сомнительно. Но, может, найдем хотя бы... Хммм... Дадим матери возможность похоронить то, что осталось... Откуда эти колебания, юный Геральт? Только что ты без раздумий бросался защищать девичью честь и насмерть человека рубить, а сейчас колеблешься?

— Да я разве что говорю? — Геральт пожал плечами. — Или колеблюсь? Вовсе не колеблюсь.

* * *

На склоне горы сохранились остатки деревянных конструкций, судя по всему — конных приводов системы водоотлива. Зияла там и шахта, частично обрушившаяся, открывающая вход под землю.

— От шахты, — пояснил Хольт, — остались ствол и штольня, вон там, чуть подалее. Оба они ведут к верхнему горизонту выработки. Выработка извилистая, поскольку простирается вдоль жилы, выбранной полностью. Оттуда косо вниз ведет уклон, коридор, идущий к нижнему горизонту, еще более извилистому, с многочисленными ответвлениями. Ниже него есть еще одна штольня, но она полностью затоплена. Затравцы сидят на этом нижнем горизонте. Могут там быть и еще какие-нибудь дыры, связь с природными пещерами.

— План, следовательно, у нас такой: мне с моей ногой вниз не спуститься, так что я отправлюсь к штольне, наде-

лаю там шума и выманю на себя затравцев. После этого вся надежда на тебя. По шахте ты спустишься в коридор, оттуда по уклону вниз. Там имеешь шансы найти... То, что нужно найти. Если немного повезет. Везения я тебе и желаю, парень. Увидимся наверху.

— Может сперва бы, — осмелился Геральт, — позырить...

— Что сделать? — скривился Хольт. — А, понимаю. Нет, у нас нет цели ни на что... зырить. Пей эликсир, медальон в кулак и полезай в шахту.

— Со всем уважением, — заикнулся стоящий рядом старшина рудокопов, — но этот юнец какой-то молоденький такой... Справится ли он? Мы-то думали, что вы сами, милсдарь Хольт, вниз полезете. Своею собственной персоной...

Престон Хольт обернулся и взглянул на него. Рудокоп съежился, замямлил. И не закончил.

* * *

Коридор был высоким, Геральт мог свободно идти в полный рост и до потолка еще оставалась пара пядей. Везде вода капала со стен, и кроме отзвука падающей воды не было слышно ничего. Он ускорил шаг, хотел как можно скорей дойти до косога штрека вниз, когда Хольт согласно своему обещанию устроит переполох у штольни.

В стенах выработки виднелись глубокие каверны, следы от выбранных рудных тел. В одной из таких каверн он заметил странное кирпичное сооружение, или, скорее, остатки такового. Не мог знать, что это были остатки древней часоуенки.

Горняки, о чем Геральт также не знал, верили в богоу долъше, чем любая другая социальная группа. Работая в условиях постоянной опасности, они должны были верить, что некая

высшая сила заботится о них и что обращенные к ней молитвы обеспечат им безопасность. Как нетрудно догадаться, практика быстро показала, что молитвы не помогают, что завалы и взрывы метана столь же часто встречаются набожных, сколь и неверующих. Но горняки все равно продолжали верить, строили часовенки, жгли свечи и молились. Долго. Но не вечно. Разум, как обычно, в конце концов победил.

Коридор резко пошел вниз; Геральт был уже на скате, в косом штреке. Прислушался, но по-прежнему не слышал ничего, кроме капающей воды.

Похоже, что он уже был близ нижнего горизонта, когда началось.

Из темноты со свистом вылетел большой камень, махнув его по волосам. За ним последовали другие камни, некоторые нашли цель. Один попал Геральту в голову, заставив покачнуться, а затравцы бросились на него со всех сторон с диким воем и лаем, начали царапать и кусать его. Сколько их было, сосчитать не получалось, слишком быстро кружились вокруг него. Геральт выхватил из ножен меч, но лишь для того, чтобы немедленно его лишиться — две твари обездвижили его, а третья ударом крупной глыбы выбила оружие. Затравец воздел вверх добытый меч и победно заревел, во всю ширь раззявив собачью пасть. Но до победы ему было далеко — Геральт сбросил с себя обоих врагов, подхватил камень и метнул его, попав затравцу прямо в зубы. Тот выронил меч, Геральт в прыжке поймал оружие, не дав ему упасть, и зарубил противника, пытающегося вытащить застрявший в пасти камень. Двумя быстрыми ударами свалил еще двоих. И бросился бежать в сторону ствола шахты. Вслед ему понесся дикий лай и полетели камни, причем некоторые снова попали в цель. Один

ударил в затылок — в глазах сверкнуло, феерия звезд осветила подземную выработку. Второй камень попал в поясницу и чуть не сбил его с ног. Дважды затравцы догоняли его, впиваясь зубами в лодыжки; от серьезных ран его защитили кожаные наголенники. Одному удалось болезненно укусить выше колена, там, где наголенник уже не защищал. Геральт убил его, не замедляя бега.

Под градом камней он добежал до ствола шахты, вскарабкался по остаткам лестницы, вынырнул на поверхность, а там упал и лежал. Какое-то время.

— Ну-ну, — услышал он. — Ты вышел. И даже без серьезных травм. Кровь, я гляжу, течет из пары мест. Но ниоткуда не льется, а это уже кое-что. Я в восхищении.

Престон Хольт стоял над ним, обгрызая жареную куриную ножку.

— Ну, блин, — простонал Геральт, все еще лежа. — Ну, блин! Ты же должен был быть в штольне... Поднять шум... Чтобы оттянуть...

— В самом деле? — Хольт выбросил косточку. — А, да. Прости, совершенно забыл.

Геральт выругался. Губами все еще почти касаясь земли.

— Я больше скажу. — Хольт облизал пальцы. — Нам ничего не заплатят. Потому что мальчик нашелся. Пришел. Просто где-то шляется, а рудокопы, как обычно, вину свалили на затравцев. Вставай, юный Геральт. Ведьмак Геральт. Позволь, помогу. Ходить можешь? Тогда пойдем. Как я уже сказал, оплаты не будет. Но нас накормят и дадут переночевать. Девушки перевяжут твои раны. А если хорошо попросишь, то, может быть, какая-то из них окажет тебе любезность.

Они направились в сторону лагеря и дымящихся котелков. Ведьмак Геральт с трудом передвигал ноги.

Щекастые девушки перевязали его в паре мест. И накормили. А рудокопы позволили переночевать. Хольту в палатке, Геральту на повозке.

Одна из девушек пришла к Геральту ночью и оказала ему любезность. Но только любезность, совсем небольшую, и ничего больше. И сразу после этого ушла.

* * *

На рассвете Геральт кое-как выбрался из повозки и начал седлать кобылу, вся еще шипя от боли. За этим занятием его и застал Хольт.

— Куда спешить? — Он протер глаза. — Обожди. Угостят нас завтраком, потом и двинемся дальше.

— Ну, блин, — процедил Геральт. — А может, я вовсе не уверен, хочу ли с тобой куда-то двигаться? Может, предпочту поехать один?

Хольт оперся о ствол березы, оглядел небо. Чистое, ни единой тучки.

— Я вполне понимаю, — сказал он, — твоё отношение. Но я должен был — подчеркиваю, должен! — проэкзаменовывать тебя для начала, проверить, каков ты в деле.

— Я мог оттуда и не выйти.

— Но ведь вышел.

— Не благодаря твоей помощи. И потому сейчас...

— Прошу тебя, — прервал его Хольт, — сопроводить меня в поездке еще хотя бы до полудня. Что дает нам, округляя и с учетом времени суток, десять-двенадцать миль. Этого времени и этого расстояния, полагаю, хватит, чтобы твоя злость на меня перекипела и ты взглянул на мир трезвей. И тогда у меня будет для тебя предложение.

— Что еще, — прищурился Геральт, — за предложение?

— Двенадцать миль. В полдень.

* * *

Было и в самом деле около полудня, когда небо внезапно почернело от крыльев, разразилось треском перьев и одним оглушительным граем. С земли и с ветвей окрестных деревьев сорвались и взлетели десятки, если не сотни черных птиц.

— Вороны, — охнул Геральт. — Столько воронов! Быть не может! Вороны не летают стаями! Никогда!

— Без сомнения, — согласился Хольт. — Столько воронов сразу — вещь небывалая, сам поражаюсь. Без сомнения, мы имеем дело с нерядовым событием. А также находимся в достаточно нерядовом месте. Если ты заметил.

— Перекресток. — Геральт огляделся. — Скрещение дорог.

— Перекресток. Место символическое. Четыре дороги в четыре стороны света. Место выбора и решения. Которое тебе сейчас придется принять, Геральт. Ведьмак Геральт.

Вороны уселись на самые верхние ветви деревьев. Каркали, присматриваясь к всадникам.

— Три из этих дорог, включая нашу, это твои дороги одинокого ведьмака, это судьба, которую ты выбрал, выходя на большак из Каэр Морхена. Если ты двинешься по любой из этих трех дорог, если такое решение примешь, то мы расстанемся. Но если ты выберешь четвертую дорогу, то выслушаешь мое предложение.

Вороны каркали.

* * *

— Я, как ты наверняка уже заметил, в годах. Добавлю от себя, что крепко в годах. Ты бы удивился, насколько крепко. А еще я — и это тоже видно, и скрыть это невозможно — калека. Мои дни ведьмачьей славы сейчас уже

песня прошлого. Не встану уже на большак с мечами, свет моих клинков, так сказать, не рассеет уже мрака. Но мрак существует, и чудовища все еще грохочут ночами. Ты можешь выйти им навстречу и победить их. Люди, которым угрожают чудовища, ждут твоей помощи.

Верно, я тут ударился в поэзию, а ты ждешь предложения. Вот оно: предлагаю тебе сотрудничество. Я был известен тут, в Каэдвене, и известен по сей день, никогда не жаловался на нехватку клиентов, и до сих пор люди просят у меня помощи, которой я им оказать уже не могу. Но ты можешь. Я к тебе присмотрелся и говорю: замени меня, Геральт. Вместо того, чтобы голодным блуждать по трактам, поселись у меня. Воспользуйся моей славой, и работы у тебя будет вдосталь. А после работы тебе будет куда возвращаться. И где зимовать. Я же... Я буду счастлив, что кто-то продолжает мое дело. А также, не скрою, рад буду тому, что кто-то поможет мне с содержанием в старости.

Ты не обязан решать немедленно. Пока достаточно будет, если дальше поедешь не один, а вместе со мной. Составишь мне компанию еще какое-то время. Согласен?

— Ну, чтоб я знал... Согласен.

— Тогда в путь. Оставим воронам этот перекресток.

Вороны попрощались с ними карканьем.

— Не обижайся, — Хольт обернулся в седле, — но настаиваю на том, чтобы в моем присутствии ты изволил выражаться хотя бы в меру прилично. В особенности не говорил «позырить» и «ну, блин».